

Сергей Федулов

Социальный психоанализ и ситуация в обществе

К изданию переводов Эриха Фромма в Советском Союзе

том возник инвалид об одной ноге, объявивший себя другом Домбровского. Он укывлял с нашей пятеркой. Последний, кто к нам подвалил, был бритый, стриженный, молодой, розовый, с выпирающими из-под тенниски мышцами и белозубой улыбкой. Мы посетовали, что обещаний было много, но вот так никто и не идет. — Так вам и надо, — сказал парень, — нечего связываться со всякой рванью, это же все рабы бормотухи. Давайте, я вам беленькую достану!

Мы отдали последние. Домбровский уселся на ящик у газетного киоска и стал читать газету. Через некоторое время он уныло спросил:

— Вы знаете, сколько дураков на этой площади? Кроме нас никого не было.

Солнце, между тем, вышло выше и стало крепче припекать непохожие головы. Все чаще проносились электрички. Постепенно площадь стала заполняться народом. Суетный майский день набирал обороты. Потом пошло сразу два автобуса: вывалилась толпа пассажиров. Бабки раскладывали свой нехитрый товар — зелень, лук, редиску.

— Инвалида я, пожалуй, узнал бы, — сказал Домбровский смиренно, — все-таки без ноги.

— Почему ты думаешь, что в Голицыно всего один безногий?

В ответ Домбровский тяжело вздохнул и перелистнул газету.

Когда вера в благополучный исход ситуации была почти утрачена до основания, вдруг появился сторож. Он принес две бутылки молдавского золотистого и тут же пожелал получить свою долю. Пока обсуждались технические детали дележа, вернулся белозубый парень с добычей, а следом за ним приковылял жинерадостный инвалид. Последним появился заспанный в кепке. Примерно в таком же порядке мы направились к голицынскому пруду. Впереди шел Домбровский, за ним следовало веселое шестие волхвов.

— Нет, — говорил Юрий Осипович, устроившись на зеленой травке на берегу заросшего тинной пруда, — что ни говори, а братство порока все же сильнее всех договоров и союзов добродетелей!

Москва

«Как много освободителей, как мало свободных людей!»

Герцен

«Разумом все управляется, но страстью все живет».

Хомяков

От Франкфурта до Локарно, от Мехико до Москвы

Фромм родился в Германии в девятисотом году, в религиозной иудейской семье. Изучение Библии и Талмуда, приобщение к широкой европейской культуре. Хайдельберг. Затем — отход от религии, Франкфуртский институт социальных исследований, чтение Фейербаха и Маркса, увлечение Фрейдом и Спинозой. Эмигрировав в тридцать третьем, преподавал в университетах Нового Света, в семидесятые годы в США стал «наставником» миллионов, «Гуру». Работая в Мексике, получает признание безусловного авторитета в социальной психологии во всей Латинской Америке. К концу жизни Фромм возвращается в Европу, работает в Швейцарии.

Обычно, относился Фромм к «франкфуртской школе», считая его «неофрейдизмом», этого мыслителя знают прежде всего как основателя «фрейдомарксизма», «социального психоанализа». Закавыченные названия, однако, не должны заслонять

чрезвычайно интересной личности Эриха Фромма, человека, рассматривавшего проблемы психологии, этики, религии и культуры, будучи при этом озабоченным прежде всего поиском истины, а не соответствием своим изысканиям канонам какой-либо доктрины. Соответственно, все доктринеры считали его «чужим». Впрочем, книги Фромма (он написал около двадцати больших работ) издаются почти на всех языках миллионными тиражами и давно стали существенным компонентом всякого гуманитарного образования.

До последнего времени читатель в СССР едва ли знал это имя. В взглядах Фромма он мог только догадываться — по гомеопатическим доз цитатам из «критики» советских официозов.

Тусклым московским мартом восьмидесятого года какой-то «голос» сообщил нам о смерти Эриха Фромма. Три года спустя я перевел его работу «Психоанализ и религия». Самиздатский текст издан теперь московским «Прогрессом».

Публикация Фромма в СССР (хотя и недостаточными тиражами) — безусловно позитивный факт. Это помогает, хотя бы фрагментарно, представить западную культуру нашего века. Конечно, штатные «обличители» Фромма отмечают теперь «гуманистический пафос его творческих устремлений» и вставляют его в обиходу «прогрессивных сил мира»,

по-новому продолжая старые традиции дезориентации читателя.

Правда же в том, что книги Фромма доносят до советских читателей иной способ мышления, восприятия и понимания мира: без посредников или негативного — шкалирования действительности. Приобщение к критическому, но не агрессивному, понимающему, но не потакающему мышлению Фромма способно расширить и освободить сознание — и в этом, может быть, главное значение появления его работ на русском языке в то время, когда мы очередной раз пытаемся приблизиться к свободе.

С Фрейдом против Маркса, с Марксом против Фрейда

Фрейд и Маркс для Фромма — лишь современные символы двух постоянно конфликтующих идей, одна из которых — «Царствие Божие внутри тебя есть», акцентирующая внимание на человеке и его развитии через внутренний рост. Другая обращает основное внимание на способности и условия построения «рая» здесь и сейчас. Не столько Фрейдизм и марксизм, сколько эти, лишь на первый взгляд несовместимые идеи, пытаются синтезировать Фромм, отбрасывая многие стержневые положения обоих предшественников.

Согласно Фрейду, поведение человека, в том числе политическое, жестко детерминированное его детскими впечатлениями, определяется изнутри, являясь итогом сложной борьбы в нем бессознательного, разума и совести. Лишь избавление от комплексов, возникающих вследствие подавления бессознательных ассоциативных влечений, делает человека более разумным, «канализирующим» энергию страстей в приемлемые для общества формы.

Знай Маркс эти построения, уж он, наверное, присоединился бы к Лени-

ну в их оценке: «Грязная буржуазная пачкотня, направленная на отвращение пролетариата от классовой борьбы». Какие бы оговорки ни делал Маркс и его последователи, все они видят человека и основные черты его поведения лишь функцией общества. «Бытие определяет сознание». А сознание, в свою очередь, поведение, — так считают они. «Не только сознание, — поправляет психоанализ, — и, в свою очередь, не только бытие».

При всех различиях и Маркс, и Фрейд лишают человека свободы — он оказывается запрограммирован — извне или изнутри. Фромм же говорит: все в конечном итоге зависит от самого человека, от его сознательного и свободного выбора. Он считает, что существуют абсолютные законы человеческой природы, игнорирование которых (например, «жизнь во лжи» или без любви) ведет человека к страданиям.

По Фрейду, человек, будучи ребенком, выстраивает некую систему представлений о мире, во главе которой стоит Отец — грозный в случае непослушания, но и надежный защитник в случае провинения. По Фромму, фигура Отца может замещать любая группа (семья, нация, партия, государство), к которой человек «кровно», чувствами привязан и в отношении которой он не способен (подсознательно не хочет) мыслить критически. «Свои» всегда правы, «чужие» всегда подозрительны. Только преодоление подобной «фиксации» делает человека по-настоящему взрослым, ответственным, свободным. Отвергая Фрейду детерминацию личности детскими впечатлениями, Фромм подчеркивает, что в этом смысле взросление, «преодоление своей инфантильности» продолжается часто всю жизнь.

Столь же широко и социально трактует Фромм и иные понятия классического Фрейда (давно уже ревидированного различными школами его последователей), давая радикально иную интерпретацию самого бессознательного. Это не зверь, который должен быть усмирен (Фрейд), и не святой, которому надо поклоняться (Юнг), это просто неорганизованная, разнообразно-богатая неизвестная нам часть нас самих, к которой надо относиться легко, «с чувством юмора». Восстановление человеческого контакта с этой частью себя делает его действительно полноценным и превращает из биоробота в живое творческое существо.

В отличие от Фрейда, Фромм видит пути улучшения жизни не только в гуманизации воспитания с детства, но и в изменении социальных условий — прежде всего, в изменении реальных ценностей общества, создании такой его структуры, в рамках которой человек не подавлялся бы в своих подлинно человеческих особенностях. Конкретные предложения Фромма во многом романтичны, хотя и заслуживают внимательного анализа (см.: «Революция надежды», «Разумное общество», «Иметь или быть?»).

Именно в этом пункте начинается активное употребление марксо-логической терминологии. Интерпретация Маркса, проведенная Фроммом, еще радикальнее, чем его трактовка Фрейда, и не имеет почти ничего общего ни с советским «марксизмом» (Фромм был одним из самых острых и последовательных критиков советского режима: он давно написал о провале революции и всегда ставил «государство рабочих и крестьян» на одну доску с гитлеровской Германией), ни, кажется, с марксизмом вообще. Для Фромма как бы не существует ни учения о раздувании классовой борьбы, ни томов «Капитала» с их базовой идеей экономического детерминизма. Слово о «диктатуре пролетариата» Фромм считает чуть ли не опиской. Нет и многих, многих иных принципиальных марксовских положений.

нову и Васнецову. Тема была заложена в самом названии кинотеатра. В чем выражалась творческая работа художников? Пересмотреть кучу плакатов с определенной тематикой, перекомпоновать, объединить и даже какой-нибудь плакат присобачить боком для левизны. Размеры диктуют и технику исполнения. Несколько километров мазанки нужно было положить в два-три месяца. Как византийские мозаичисты не поработаете: неделями обдумывая, как положить камушек с булавочную головку, чтобы он сверкал и переливался, выражая художественный замысел автора. Чтобы выполнить работу в срок, великий триумvirат пригласил бригаду молодых художников, и они залепили стены кинотеатра за два месяца. Кинотеатр открылся, в зрительный зал хлынул поток любителей кинематографа. Не догадываясь, что они смотрят агитмассовую продукцию в здании, облагороженном шедеврами гениальных художников, ведь все с детства приучены: не глазеть по верхам — неприлично, как заводить на улице знакомство.

Но назревал скандал. Королев Юрочка (как его называют просители женского пола, записавшиеся к нему на прием), «наш Юрочка», посчитал, что заказ на оформление кинотеатра «Октябрь» принадлежал ему, и что у него увели его незаконно. Подробности неизвестны. Известно, что в борьбе за эту лакомую косточку троюродный поддерживал Симонов, в прихоти которого был вхож Андронов. И из стойла Королева был уведен этот конь. Королев на них шибко обиделся и написал какой-то донос в ОБХСС. Началось расследование, бесконечные вызовы, допросы. Был у них делопроизводитель Сыркин, утверждавший, что он родственник последней жены Тышлера. Его больше всех трепали. Он даже подумывал, что ему конец. Числялся он бригадиром, доставал все материалы, вел все переговоры с администрацией, пробивал, устранив все неудобства и возникающие недоразумения. Одним словом, организовывал бесперебойную работу. Получил он, естественно, больше любого художника-исполнителя. Деньги у него то арестовывали, то выдавали назад. Он их даже зарывал в землю. Товарищи, ведшие расследование, никак не могли усвоить, что у нас можно законно получить за проработанные два месяца семьдесят тысяч. Челембиев рассказывал, как великие художники получали свои деньги. В день выдачи каждый пришел с тарой для денег. Конечно, как мэтры, они в очереди стоять не стали. Эльконин — патриарх монументализма — первый получал, каждую пачку уважительно похлопал, уложил в чемодан, с которым еще, вероятно, ходил получать деньги в мастерской Бруни—Фаворского. Про те времена он сам рассказывал:

— Приносил нам деньги кассир после сдачи очередного объекта в двух огромных чемоданах. Мы пренебрежительно относились к деньгам. Я как-то схватил чемодан, вбежал на галерею и высыпал его содержимое вниз. Зрелище было захватывающее. Все застыли, наблюдая, как купюры снегом устилают пол мастерской, а кассир, дурак, чуть не рехнулся, кто их возьмет?

Васнецов, как всегда рассеянный и нелепый, он два раза во время работы ухитрился свалиться со второго этажа на первый и даже не заметил этого, забыв принести чемодан. Ему где-то достали пару авосек, куда все деньги не вошли, и он шел, теряя пачки из карманов, из-за пазухи, из рук, подбираемые его поклонниками, опять рассовывающими их ему по карманам. Но Андронов всю очередь просто разозлил. Он каждую пачку разрывал и старательно пересчитывал.

За два года тщательной проверки комиссия пришла к выводу, что художники ни в чем не виноваты. Все заплачено по утвержденным расценкам. (В комбинате имеется огромный штат высококвалифицированных сотрудников, которые и занимаются оформлением документов, чтобы художники получали столько, сколько им положено по закону). Правда, нашли они нарушение финансовой дисциплины со стороны рядовых бухгалтеров и наказали их, но это к делу Эльконина, Андропова и Васнецова отношения не имело. Были немного снижены расценки за монументальные работы, но эти мероприятия ударили только по второстепенным художникам.

Так закончился ничем один из скандалов, каких в комбинате вспыхивает множество, но они обычно не выплывают, так как начальство не любит выносить сор из избы. Поговорят художники в кулуарах между собой о разных авантюрах, а дальше — ни-ни, упаси Бог.

Искусство добывается, как добываются драгоценные камни в темных, душных и грязных подземных шахтах, срывая ногти, обдирая локти, слепнув и задыхаясь в смрадности дискомфорта. Сверканье первых лучиков на драгоценных камнях, добытых упорным и самоотверженным трудом, столь незначительны, что приносят радость только этим фанатикам, ежедневно всю жизнь спускающимся в темный колодезь неизвестности. Выброшенные на поверхность, подхваченные другими чудачками, придающими бесформенным камушкам строгие грани и шлифовку, уже кое-кто от своего труда имеет. И полный кайф имеют от этой работы только торгаша искусством. Вот им-то и несут поклонники красивого материальные блага, звания и славу. Но вместо камушков настоящих можно продавать и подделки. Кто разберется, где подлинное искусство, а где фальшь, чем и пользуются умные люди. Они все знают, все умеют, могут силами «своего таланта» из ничего сделать все. И идет поток продукции, где все есть: современная техника исполнения, занятный и злободневный сюжет, мастерство, мода — стиль и закон времени, но подлинности первооткрывательства, где чувствуется и сердечный порыв, сдирание кожи и «жизнь», и слезы, и любовь». Глотает народ жвачку, приготовленную из искусственных продуктов, не насыщающих, а портящих желудки.

Фальсификаторов во все времена было много и, конечно, с ними трудно конкурировать редким талантам. Попробуй пробиться через толпу бездарностей, всегда готовых изготовить все, что угодно, на любой спрос, умеющих гениально угадывать вкус и запросы обывателей и заказчика. Талант ведь всегда самобытен, непричесан, коряв, зачастую непонятен. Его участь — всегда быть изгоем, осистаным и вытолканным с черного хода. Простому смертному трудно напрягаться, думать, рассуждать, отказываться от привычного, чтобы разобраться, что хорошо. Смотри Глазунова, Шилова, где все привычно и взято напрокат у старых мастеров и упрощено до сладкой водички. Глотай, и жевать не нужно. Даже если и противно смотреть на чудиле Коржева: рыбьих, кривых, уродливых, — но и здесь есть детали, понятные и приемлемые для обывателя. Его герои грубы, грязны, их чувства примитивны, грубо переданы грязными красками, но зато они родственны «простому народу» по духу и поэтому понятны.

Окончание. Начало в «РМ» №3877.

Продолжение следует.

Сергей Федулов

Социальный психоанализ и ситуация в обществе

К изданию переводов Эриха Фромма в Советском Союзе

Но есть то, что в советской науке называют «гуманизмом раннего Маркса» (что, мол, надо думать об улучшении жизни простых людей), есть идея о влиянии ценностей общества и его социально-экономической структуры (а не «производственных отношений») на характер человека. Есть также принятые слишком всерьез замечания Маркса об «отчуждении» и «товарном фетишизме». Смесь только этих компонентов и дает фроммовскую концепцию марксизма: «радикальный гуманизм». Нам, в СССР, чрезвычайно трудно увидеть в марксистском монстре такой вот «гуманизм».

Хотя, может быть, в случае нашей страны, использование марксистской терминологии даже облегчает проникновение в систему рассуждений Фромма. Его работы представляются некоей станцией, мостом, дверью, через которые можно из «психоанализа», «гуманизма» и традиционной религии прийти к «радикализму» и «марксизму» (что наблюдалось в 60-е годы на Западе) или уйти от них (сейчас последнее происходит чаще).

Человек живет верой. Какой?

Согласно Фромму, неверующих людей вообще не существует. Все люди основывают свою жизнь на вере во что-то, у всех есть те или иные, явные или неявные, идеалы. «Человек не волен выбирать», — пишет Фромм, — иметь или не иметь ему

идеалов. Он волен лишь в том, какие идеалы он выберет». В этом же, психологическом, смысле все люди религиозны. Ибо религия и есть в этом смысле картина мира, созданная в сознании человека, служащая ему точкой отсчета, «картой» для ориентации в жизни и оценке себя, людей, действительности. Религия же задает идеалы, задает «объект поклонения», то есть некую абсолютную ценность, к которой человек привязан всем существом — не только разумом, но и чувствами. Именно подлинная преданность человека той или иной системе ценностей и разделяющей их группе людей, а также совместное совершение разного рода ритуалов, — отличает, по Фромму, «религию» от просто философского «учения». «Учение» — в голове, в книгах, «религия» — в чувствах, в сердце, в жизни.

Фроммовскому определению религии удовлетворяют не только традиционные теологические, но и чисто вроде бы светские феномены, будь то поклонение Высоцкому или московскому «Спартаку». Конечно, фашизм или советский «марксизм-ленинизм» также являются, по Фромму, «религиями». Проведение

подобных параллелей (особенно, христианство — социализм) имеет в русской традиции давнюю историю: от «Великого инквизитора» Достоевского до известных работ Бердяева и Франка. Фромм проводит еще более широкие обобщения, он выделяет два основных вида религий: авторитарные и гуманистические.

Авторитарная религия — это религия в понимании почти что советских «атеистов» (как и цитируемого Фроммом «Оксфордского словаря»), «признание человеком некой невидимой высшей силы, осуществляющей контроль над его судьбой и имеющей права требовать подчинения, почтения и поклонения». Именно полная власть над человеком в авторитарной религии является причиной его «почтения и поклонения», а вовсе не нравственные качества высшей силы, которой предоставляется полное право наказания в случае самого страшного в авторитарной религии греха — неподчинения. Чтобы умиротворить грозное авторитарное «божество», человек хвалит его, наделяет его всеми лучшими качествами. Он (в терминах психоанализа) «проецирует» все лучшее, что он имеет, на «бога» и, таким образом, обедняет себя. «Посредством подобного механизма, — пишет Фромм, — люди наделяют лидеров даже самых бесчеловечных систем качествами высшей мудрости и доброты» (см. рассказы о «гениальности» Сталина, Ленина и пр.).

В авторитарной религии, согласно Фромму, «бог» или «фюрер», или «социалистическое отечество» являются символами внешней власти и нерассуждающей силы; «жизнь отдельного человека превращается в значимой, и ценность ее состоит в

буквальном отрицании ее цены». Идеалы авторитарной религии столь абстрактны и отдалены, что они теряют связь с реальной жизнью реальных людей: «счастливого будущему всего человечества» могут быть принесены в жертву жизнь и счастье людей, живущих здесь и сейчас, однако их значимость «элиты» легитимирует свою власть. Искушение в такой «религии» не очищает человека, не ведет к его нравственному росту, ибо он остается жить вне любви и не стремится любить сам (что, по Фромму, и является подлинным грехом).

Фромм считает, что в каждом человеке постоянно борются две тенденции — стремление к подчинению и в рамках его — утрате свободы в обмен на безопасность и хотя бы видимость душевного комфорта (наследие стадных инстинктов) и стремление к свободе, алкаемой, несмотря на все трудности, которые она означает (проявление разума и души, индивидуализм по своему существу). Преобладание в обществе первой тенденции создает психологически благоприятные условия для создания и сохранения тоталитарных структур. Принятие авторитарной религии быстро удовлетворяет потребности человека в общей системе ориентации и резко упрощает жизнь — невыносимая свобода, вся сложность и многообразие действительности втиснуты в несколько ясных принципов. Изложенное объясняет отчасти живучесть сталинизма и жажду сильной руки.

Обыватели Салтыкова-Щедрина говорят о Французской революции: «Как же это — без начальства жить?» Так и многие у нас (даже «демократы») не могут представить об-

щественной жизни без чего-нибудь руководящего и направляющего. И вот отвергнутый культ справедливого общества, достигаемого через разного рода жертвы и борьбу, замещается новыми культурами.

О современном идолопоклонстве

«Культовое мышление», на котором держится авторитарная «религия», это, согласно Фромму, сужение всего многообразия мира или страны, человека или ситуации до какого-либо их аспекта, стороны или проявления. Это, во-первых, а во-вторых, утрата свободы мышления, невозможность критики в этой суженной области и подчинение человека и его жизни служению культу. Культовое мышление — это вера в чудо. Вера в то, что существует панacea, само открытие которой изменит всю жизнь.

Упростить ситуацию до одного, пусть и верного, аспекта — гораздо легче, чем постараться трезво увидеть мрачную нашу действительность в целом: нужно реализовывать множество самых разнообразных идей и мероприятий во всех областях жизни. В любом случае предстоит тяжелая работа в течение многих лет. Собственно, она не кончится никогда, может быть, став лишь спокойной и человеческой.

Замещение культа Ленина или партии кулом Столыпина или уничтоженной России, демократии, рынка, православия или *Запада* неизбежно сужает сознание, деформирует восприятие ситуации, блокирует адекватные действия и может привести к новым нелепостям, которые лишь дискредитируют и этих людей, и все эти, действительно, очень важные понятия и идеалы. Можно ими вдохновляться, применять опыт истории, но нельзя уподоблять мир до одной (теперь уже хорошей) идеи.

Разумеется, любой шовинизм — форма культового мышления, — проявляющийся, когда нездоровая тенденция к подчинению (в данном случае — своей группе в виде нации или «национальной идеи») берет верх над здоровой — стремлением к свободе, стремлением к освобождению и развитию своего народа. Кажется, они близки, эти тенденции, и это так, в том смысле, что обе, чтобы быть детерминантами поведения, должны находиться не только в сознании, но и опираться на *страсти* (те, кто имеет идеи лишь «в голове», без труда способны их менять, собственно, у них и нет никаких идей, то что они высказывают, — пустые слова, а не собственные убеждения). Однако *страсти* — разнонаправленные: в первом случае это желание жестокого доминирования *своих*, страсть к своему порядку и контролю (пример того, как желание быть слабым оборачивается диктатурой).

Вторая — на любви, стремящейся понять и помочь. Психологически именно недостаток подлинной любви, согласно Фромму, приводит к появлению культа. Подлинная любовь не селективна («любовь не рассуждает»): человек, действительно любящий свой народ, не может не любить людей, какой бы национальностью они ни были. Если происходит агрессивное выделение *своих* — значит, подлинные чувства к ним называются не любовью, а чем-то иным — например, страхом изоляции от группы или почтением, вызываемым ее влиянием. Таким образом, поскольку старое авторитарное мышление остается, лишь изменяя знак, насаждающийся коммунистами национальный нигилизм легко превращается в абсолютизацию национального.

Продолжение следует.
Начало в «РМ» № 3879.

Эрих Фромм. Бегство от свободы. Перевод с англ. Г.Ф.Швейника, под ред. П.С.Гуревича. Москва, «Прогресс», 1989, 25.000 экз.

Эрих Фромм. Иметь или быть? 2-е, дополненное издание. Общая редакция и послесловие В.И.Добрынькова. [Иметь или быть? Перевод с англ. Н.И.Войскульской, Н.И.Комениковой; Психоанализ и религия. Перевод с англ. С.В.Федулова]. Москва, «Прогресс», 1990, 50.000 экз.

Первое издание, в которое была включена только работа «Иметь или быть» в сокращенном варианте, вышло году в 1988 тиражом не более 10 тысяч. Как все издания с грифом «Для научных библиотек», оно было практически недоступно и прошло почти незамеченным.

Сергей Федулов, переводчик книги «Психоанализ и религия», с 1989 года живет в Тюбингене (Германия).

Слева направо: Ариадна Эфрон, Сергей Эфрон и Ариадна Чернова. Чехия, 1925.

Отрешенный взгляд вверх, либо мимо собеседника, — взгляд близорукого человека, запечатленный, помним, художником Вышеславцевым. Иногда — усмешка, и короткая, вполголоса реплика. — меткая, разящая, как стрела. [Слова Сергея Эфрона о зорком, холодном (пожалуй, даже вольтерско-циничном) уме].

И другой взгляд: острый, всматривающийся, — если человек оказывался или показывался достойным всматриванья, сочувствия.

Прямоугольная челка, — не украшение лица, а лишь необходимое его «оформление», констатация его наличия.

Крепкие, трудовые, жилистые руки с короткими пальцами; один вспоминают на них следы чернил, другие — желтизну от табака. Вечные атрибуты: массивные серебряные кольца, браслеты; папиросы, деревянный мушкетер. Некоторые видели, как Марина Ивановна неспешным образом выдыхала табачный дым через ноздри...

Внешне: вне-женственность (не путать с мужественностью!), четкость, «остроугольность». Внутренняя суть: женственность, надежно спрятана под тем образом, который сама избрала и из которого не выходила.

Аля не вернулась больше в Моравскую Тшебову: у нее нашли заточенные в легком, и Марина Ивановна, убежденная, что среднее образование девочкам не обязательно, настояла на прекращении учения. Она сама занималась с дочерью французским, и великолепное знание этого языка Ариадна Сергеевна сохранила в течение всего своего многострадального существования, подарив нам в последние годы своей жизни блестящие переводы с французского...

Росла Аля уальдем, рослым и полным. Еще Эренбург в Берлине звал ее «Бегемотом»; теперь это был «теленочек», или «телка» в произношении на чешский лад: «тилоунисок», «тилоунисок», «толка». Так она сама себя и величала в письмах к Аде Черновой, — красивый и обаятельный ребенок со следами вундеркинда, — ведь она была чрезвычайно умная девочка, только прибавилась в ее характере настраивающая детскость. И одиночество — после пансионного многолюдья. И еще — тяготы домашнего труда при неизбежном бытовом неустойчивости. «Бедная Аля вертится как белка в колесе — между французским, метлой, собственным и чужим беспорядком. Твердо надено, что она выйдет замуж «за богатого», после такого детства только это и остается» (слова Цветаевой из письма к О.Е.Черновой).

Она писала своей теще письма, в которых попеременно звучали как бы два голоса: один — ее собственный, «нормальный», и другой — детски-картавый, принадлежащий ее шутивому «двойнику». Печально читать эти письма Аля к первой, вероятно, подруге за жизнь, где можно было впасть в детство и полурячиться, — хотя Марина Ивановна таких вещей, понятно, не переносила. Но были в ее письмах и такие, например, хотя и полусерьезные, но чрезвычайно для нас сегодня интересные, места:

«Знаете, Аля, нынче такая вещь, что излечила маму от боязни автомобилей: шерить (так в семье шутиливо произносили слово шерсть).

Вот в чем дело: какой-то добрый мокропсинский ангел научил маму вязать, причем мама не удовлетворилась уже одной голубой ею связанной шалью, а сейчас без передышки принялась за другую, цвета какао на воде. С тех пор мы с папой кроме этого какао не видим, и папа — быстро, я — медленно, и оба — верно — худеем. Так вот: если мама стоит посредине Václavského náměstí или Narodní třídy и видит шерить, то она не взирая ни на какие автомобили мчится naproti и шлет, какая будет будущая шаль: будущая шаль будет цвета какао... на молоке».

В другом письме она с таким же милым юмором описывает, как Марина Ивановна «погнала» пятерых гостей на прогулку — сначала в овраг, потом к скалам (дело было в конце октября, к тому же вечером). Несмотря на их робкое желание вернуться домой, «...мама настояла и на подъеме. Все скатывались, падали, цеплялись друг за друга, и одна только Марина, как пушечная звезда в наступающем полумраке, с легкостью и скоростью рыси (созвездие Рыси) неслась вперед...»

И еще одно Аляно письмо из Виенор в Париж — по-видимому, от двадцатых чисел декабря (мы не сказали о том, что сначала Аля, а в октябре и Ольга Елисеена переехали туда и жили вместе с Ольгой и Натальей, дочерьми О.Е. от первого брака):

«Рождество мы празднуем по старому, но и новое не пропадет: нас приглашает Маргарита Николаевна* на валеросийскую елку. О снеге у нас и мысли нет: все время тепло, дождичек, грязь, а ведь уже декабрь!»

Была недавно в Праге, на второй части Нибелунгов: «Месть Кримгильды». Это тоже очень хорошо, но немного длинно, да и сама Кримгильда стоит все время на одном месте и смотрит остекляненными глазами на убийства, пожары, смерти, язвы...

В Праге был два дня «Микулаш» — чешский очень большой праздник, когда детям дарят чертей и Микулашей, т.е. св(ятых) Николаев. Все окна были красные, во всех магазинах, во всех вылах являлись они. В писчебумажных магазинах Микулаши в обнимку с чертами сидели на ручках, бумаге, тетрадках, в булочных их телятские изображения продавались от 10 галеров до 30 кр(он), а в мясной папа видел Микулаш со свиным рылом вместо лица.

Елочку нам вероятно не удастся спереть: почти около каждой по леснику с ружьем и на уставых их мордах страшное слово: «покута», т.е. штраф. Желаям всем (вместе с толкой) переехать благополучно на новую квартиру, и там зить каласо и бизбэдн-о-о... А потом выпустить тилоунииска и Алу в Париж, сводить их в Лувр (если там есть тилата), сводить их на енту самую страшную башню (если там есть тилата)...

Ходим гулять мы довольно редко, из-за грязи, да еще из-за лесников, еще нас заподозрят в краже елки, не дай Боже! Ходите ли Вы гулять, есть ли возле вашего дома сады или что-либо подобное? Или вместо садов афтамабили и палисэйские?

У нас слава Богу автомобилей нет, но нет и полицейских, которые могли бы нас защитить от вечных нападений виенорских мальчишек (еще одна из причин нашего негулянья).

У нас хозяйка очень плохие, скупые, жадные, и маму очень боятся, за то что она с ними редко разговаривает, и все пишет...»

Продолжение следует. Начало в «РМ» № 3879.

* Лебедева.

«Русская мысль»

ЛИТЕРАТУРА, МЕМОУАРЫ

Сергей Федулов

Социальный психоанализ и ситуация в обществе

К изданию переводов Эриха Фромма в Советском Союзе

Жить не по лжи

Все аргументы, приводимые в защиту шовинизма или любого иного культа, часто вроде бы солидные, с цифрами и фактами, выстраиваются обычно в некую систему, которую извне почти невозможно разоблачить — человек, использующий ее, кажется неуязвимым. Способности к выстраиванию такой аргументации и ее саму Фромм называет «рационализацией». Если бы не наша привычка к рационализированию, оно показало бы нам, подчеркивает Фромм, похожим на параною, при которой человек может «прекрасно пользоваться своим разумом во всех сферах жизни, за исключением изолированной области, включенной в его параноидальную систему». Он приводит пример прямо из «нашей жизни»: талантливый ученик (правда, сторонник сталинизма) обнаруживает в беседе недюжинные умственные способности при анализе самых сложных систем. «Однако как только начинается обсуждение Сталина, мы неожиданно сталкиваемся с замкнутой системой примитивных суждений, единственной целью которой является стремление доказать, что его преданность сталинизму (в наши дни: «советской державе» или «демократическому социализму» — С.Ф.) соответствует доводам разума, а не противоречит им. Он будет отрицать одни очевидные факты, искажать другие или, признав некоторые из них, все равно будет считать свою позицию логичной и последовательной (см. речи «высших» советских руководителей о «верности социалистического выбора» или соответствии рыночной экономики учению Маркса о социализме — С.Ф.). Искреннее, внутреннее принятие новой доктрины, которая вся сплошная «рационализация», демонстрирует коммунист, с которым беседует в лагере Солженицын («спорить с ним — идти по пустыне» — «ГУЛаг», ч.3,

с.335). Он приводит любые объяснения, только не то, что на поверхности — «идея»-то и не верна.

Согласно Фромму, любая «жизнь по лжи», пусть и не осознаваемой, ведет к деградации — человека и общества. Даже если ложь ведет к внешнему успеху, к счастью она не приводит. Кто назовет счастливыми людей вроде Сталина или Брежнева? Собственно, поиск не кажущихся, не прокламируемых, а подлинных мотивов поведения — суть психоаналитического метода. Так, люди, пекущиеся о том, «чтобы доля каждого была в точности равна доле любого другого человека, тем самым показывают, — утверждает ученый, — что их собственная ориентация на обладание остается столь же сильной, хотя они и пытаются отрицать ее посредством своей приверженности идею полного равенства. За этим проглядывает истинная мотивация их поведения: зависть». И вообще, подчеркивает Фромм, «всегда, когда мы сталкиваемся с фанатизмом, возникает подозрение, что он служит лишь ширмой, за которой скрываются другие, как правило, противоположные, влечения».

По Фромму, полная свобода мышления, направленного на поиск истины в соответствии с голосом совести, живущем в каждом из нас, есть обязательное условие полноценного развития человека и общества. Слова Христа «Истина сделает вас свободными» являются рефреном его работ.

«Неправда» советского режима не есть «все-лишь» неправда фактическая (только которую частично и исполняет официальная «гласность»), она есть, прежде всего, неправда человеческая, неправда изначально ложных ценностей, вследствие которой и получается та фальшивая, а потому принципиально несправедливая, внегуманная («без-человечная») подсоветская жизнь.

Двум ее основаниям — насилию и лжи — нанесены в СССР смертельные раны. Даже если они вновь начнут активно использоваться, долгое время это просто не сможет продолжаться. Что же сокрушит третье основание? Что победит убожество людей, в которых пестовалась жажда оставаться самостоятельными «счастливыми младенцами»?

Оплот режима сейчас — не столько репрессивно-бюрократические структуры, сколько десятки миллионов людей, разучившихся работать и быть свободными, да тысячи честных интеллектуалов, у которых не хватает (а сейчас — почти только внутренней) смелости окончательно порвать с пагубной традицией, цепляющихся за те или иные обломки «марксизма»-«социализма».

Понятно, что людям тяжело признать, что всю жизнь они поклонялись идолам. Проблема обостряется еще и тем, что чрезвычайно сложное извне изменить систему представлений, сконструированную самим человеком. Нелегко отказаться от группы, к которой традиционно считал себя принадлежащим. Живя в советском «коллективизме», человек в действительности чувствует себя в почти полном социальном вакууме («атомизированное общество»). А его тянет в «общество», даже чужое. Стоит доктрине, пусть и абсурдной, пишет Фромм, получить признание и силу в обществе, и «миллионы людей скорее поверят в нее, чем согласятся чувствовать себя отлученными от общества».

Таким образом, советский режим, опираясь на врожденные потребности человека и эксплуатируя его слабости и стремление к порядку в не-свободе — и шире — желание подчинения, — производит подмену ценностей, к которым привязаны все люди. Он «лишь» сужает духовный горизонт, продуцирует жажду убожества и продолжает править.

Понятней в этом свете становится мысль Бердяева о том, что социализм должен быть не уничтожен, а преодолен. Преодолен, как преодолена иллюзия, как вырастают из детских представлений о мире и из

детского отношения к действительности. «Миллионы счастливых младенцев» должны, наконец, повзреть. Именно тогда советский режим будет обречен. Когда население, вновь ставшее народом, вернется к подлинным ценностям и восстановит свои, внеавторитарные, формы жизни.

Правда, свобода и любовь

Чтобы действительно преодолеть фальшивую религию или справиться с опасностью быстрой рецессии к ней, необходимо, считает Фромм, не только отвергнуть ее всем своим существом, но и обрести внутреннюю свободу, но и принять более высокую, внеидолопоклонскую религию.

Заповедь «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» является, согласно Фромму, сутью отношения к миру, которое лежит в основании всех гуманистических религий. «Но что действительно трудно понять, — восклицает он, — так это то, почему все великие духовные учителя человечества требовали, чтобы человек любил? Ведь люди считают, что «любить просто, но что быть любимым гораздо труднее». Они не подозревают, что «подлинная проблема заключается не в трудности быть любимым, а в умении любить», что «способность к любви, а не ее имитации, является очень трудным делом».

«Гуманистическая религия, — подчеркивает Фромм, — сосредоточена на человеке и его способностях». Он должен знать правду о своей ограниченности и своих возможностях. Он должен иметь определенные принципы и руководствоваться определенными нормами на пути к их реализации. «Религиозное переживание в такого рода религии есть переживание единения со всем сущим, основанное на родственном отношении к миру, осознанном при помощи мысли и любви». Добродетель гуманистической религии — самореализация, а не покорность, а вера — твердое убеждение, основанное на собственном опыте размышлений и чувств, а не на принятии суждений в

силу того, что принадлежат они довлеющему авторитету. Преобладающее настроение — радость, а не печаль и чувство вины. «Бог гуманистической религии — символ собственных сил человека».

Преобладание авторитарной или гуманистической тенденции в рамках традиционной религии зависит, по Фромму, от многих факторов. Религия официальной власти, как правило, становится авторитарной: она выводит людей из египетского рабства, но снова и снова приводит в Египет. Важен и характер понимания религии конкретным человеком: что он прежде всего видит в ней и реализует в жизни — буквальное понятие «отречение здешнему миру» или любовь и братское отношение к людям.

Для Фромма суть проблемы не в том, верит ли человек в Бога или считает себя атеистом, а в том, каков он есть. Внутреннее обновление, постоянное соотношение своих поступков с голосом совести, жизнь позитивными ценностями, ведущая к полноценной реализации своей человеческой индивидуальности, — вот, по Фромму, суть гуманистической религиозности. Угрозу ей он видит в характере современной обыденной жизни: человек забыл, что главным является «забота о душе и развитие способностей любви и разума», он — вынужденно или добровольно — приносит в жертву новым идолам: идеологии или рынку, государству или успеху. Однако в целом Фромм оптимистичен — в сегодняшнем мире он видит и позитивные ценности, и это делает его работы особенно ценными в ситуации нынешнего отчаяния.

Взгляды Фромма представляют собой как бы секуляризованное и психологически фундированное изложение основных принципов христианства, иудаизма и буддизма. Все «темное», «гадательное», «видное как бы сквозь тусклое стекло» он оставляет в стороне. В случае нашей страны такое рационализированное повествование можно рассматривать и как плюс — слишком отвыкла советская аудитория от рассуждений на подобные темы.

Окончание следует. Начало в «РМ» № 3879.

— Чего ж ты тут в дождь сидишь? — притворно напустился я на него, скрывая свое смущение.
— А чего... — тоже смутившись, проворчал он.
— Вылетали? — спросил я примирительно.
— Плохо, погода.
Постояли, помолчали, оглядывая друг друга.
— Откуда идешь? — спросил он.
— С Марьино.
— Далекое, — покачал головой.
— Я с Колобовой горы лесом прошел, там поле брошенное, заросло теперь.
— А, лядины, — сказал старик.
— Лядины?
И в памяти всплыли знакомые строки: «села наша лядиной поростоша...» Слово третье Серапиона Владимировского, слово из тринадцатого пса после татарского разорения...
— Так и называют — лядины? — переспросил я.
— Как поле зарастет, так и лядины, — пояснил старик.
— А много таких полей?
— А по всему лесу, где теперь кусты, там и поля.
— А почему же не пахали?
— А кому пахать? Это бы успеть, — посмотрел на лежащее по склону поле.
И я посмотрел на поле с грубо вывернутыми пластами земли, на затерянную в сырой дали деревеньку, на дедка в трухе, в галюшах, с ветхой одностовкой, и такой лютой тоской сжало сердце, и такой нелепой предстала моя праздная забава, что, и правда, влору забросить ружье в реку.
Соро было все вокруг, и равнодушно сел дождь.
Я дал старика два патрона и мы разошлись.
Назад шел я теми же несезими дорогами, заросшими полянами, забытыми сенокосами, заброшенными полями, и то, что прежде на любительский взгляд представлялось охотничьи угодьями, которые тогда хороши, когда дичь водится, теперь представляло тем, чем оно есть — памятью крестьянского труда, вложенного в эту скудную, но кормившую когда-то северную землю, ныне брошенную, отвергнутую, запустевшую. И, продираясь сквозь мокрые кусты, шлепая по лужам, минуя лесные трупы, все звучало во мне, повторялись древние слова: «лядиной поростоша... поростоша... поростоша...»
А дождь все продолжал равнодушно сыпать...

Москва

Ивановна напечатала анафему сытым, скрытую под иронической маской, — стихотворение «Хвала богатым». А на рубрику «Писатели о современной литературе и о себе» дала ответ, исполненный огромного значения, — своего рода программу и завет, которым не изменила никогда:

«Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию — может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, — тот потеряет ее лишь вместе с жизнью».

Говоря о том, что писателям-«бытовикам», к которым она причисляла Алексея Толстого, важнее всего «наблюдать частности спешащего бытового часа», Цветаева утверждала, что художникам лирического склада «лучше видеть Россию издали»; «вопрос о возврате в Россию — лишь частность вопроса о любви-вблизи и любви-издалека, о любви-воочию — пусть искаженного до потери лица и о любви в духе, восстанавливающей лик».

(Когда, спустя несколько лет, Цветаева будет писать очерк-воспоминания о Волошине «Живое о живом», она приведет слова, которые поэт сказал ей, юной девушке, разглядев в ней романтика: «Когда вы любите человека, вам всегда хочется, чтобы он ушел, чтобы о нем помечтать. Ушел подальше, чтобы помечтать подольше».)

Лучшим современным русским писателем; «не только самым живым», («но живой сокровищницей русской души и речи», («за исключением Бориса Пастернака»), — Цветаева провозгласила Алексея Ремизова.

И, наконец, в ответе Цветаевой на рубрику «Своих путей» содержалось пророчество, сбывшееся, к сожалению, посмертно:

«Что для меня — вернуться в Россию не допущенным «перезитком», а желанным и жданным гостем».

Но мы еще не сказали о деятельности в журнале «Своими путями» одного из главных его сотрудников и вдохновителей — Сергея Эфрона. Он участвовал почти во всех выпусках. Спешил обнаруживать выплывающую из недр своего «взвиренного» сознания идею новой родины. «Наше время сверхъестественно. Набрасываются кроки будущего здания, нечерно проводится счет», — писал он в статье «Церковные люди и современность» (№ 3-4, январь-февраль 1925 г.). Такими же набросками размышлений делился с читателем он сам. Он хотел найти истину посредине двух крайностей: тех, кто «отрывается от старого мира», и тех, кто «страстно отрывается от нового». Мечтал о том, чтобы в человеческом бытии соединились два начала. Первое — абсолютное: религиозное, «источник творческой народной стихии», «конечная цель существования коллектива и личности». Второе — относительное: «приспособление... нечто меняющееся, проще же — земное устройство человечества». Эти два начала должны быть в мире, а не в борении друг с другом. «Ибо, как бы ни был богоносен народ, он может исчезнуть и обескровиться благодаря своему внутреннему неустроению, или же пренебрежению к благам относительным (государство, социально-политическое благоустройство и т.д.)».

Продолжение следует. Начало в «РМ» №3879.

YMCA-PRESS
11, rue de la Montagne Ste-Genevieve 75005 Paris

Двуязычная антология русской поэзии

Возрождение XX века

Предисловие, составление, переводы и примечания Н.А.Струве
Второе издание, исправленное 245 стр. 75 фр.

Осип Мандельштам
СТИХОТВОРЕНИЯ

Составил Н.А.Струве по указаниям Н.Я.Мандельштам
3-е издание, исправленное и дополненное 190 стр. 60 фр.

Заказы направлять: LES EDITEURS REUNIS
11, rue de la Montagne Ste-Genevieve 75005 Paris

Сергей Федулов

Социальный психоанализ и ситуация в обществе

К изданию переводов Эриха Фромма в Советском Союзе

Фромм и Россия: непобедимая иллюзия

По словам Райнера Функа, биографа Фромма, последний никогда не претендовал на роль наставника, считая себя лишь теоретиком социальной психологии. И нам не нужно делать нового кумира, тем более, что большинство советских проблем вполне объяснимо и вне социального психоанализа. Могут быть подвергнуты критике и некоторые теоретические положения Фромма (например, происхождение морали он объясняет чисто социальными факторами), и несколько «американский» стиль его работ — слишком легко порой трактует он вопросы, само обозначение которых в русской философии является проблемой (что есть свобода, что есть счастье). Не зря, когда речь заходила о психоанализе, Набоков говорил что-то о «шарлатанах» (впрочем, протестуя этим против любого редуцированного объяснения человека). И все же, работы Фромма, которые, как и любое научное построение в гуманитарной области, можно рассматривать как этюд на заданную тему (мысль Борхеса), помогают лучше понять то, что происходит вокруг нас и в нас самих.

Свободная четырехчасовая беседа в архиве и библиотеке Эриха Фромма, расположенных в доме Райнера Функа на северных холмах Тюбингена, позволила уточнить многие при-

видимые здесь факты и оценки (пользуясь случаем для выражения благодарности). Райнер Функ работал ассистентом Фромма в Локарно, а ныне представляет его авторские интересы и возглавляет международное общество Эриха Фромма (около 400 ученых, с этого года — и из СССР). Редактор 10-томного собрания его сочинений, Райнер Функ как важнейшие (кроме названных) выделяет книги Фромма «Вы будете как боги» (радикальная интерпретация Ветхого Завета), «Концепция Маркса о человеке», «Сердце человека» и «Анатомия человеческой деструктивности». Книга «Можем ли мы победить?» посвящена конкретному психологическому и политическому анализу советской системы.

Приветствуя появление Фромма на русском, Райнер Функ подчеркнул, что некоторые советские издания переводов Фромма («Иметь или быть») совершены не совсем корректно — без ведома издательства, которым принадлежит права на его переводы, и представителя его авторских интересов. Эти аспекты важно отрегулировать в связи с планами дальнейшего ознакомления с Фроммом в СССР (готовится к изданию трехтомник его работ, где, видимо, будут опубликованы книги «Человек, как он есть», «Искусство любить», кстати сказать, общими тираж последней превысил 20 миллионов экземпляров; профессор Гуревич работает над переводом биографии Эри-

ха Фромма и посвященным ему видеофильмом). Тем более, что существенную часть гонораров за публикации своих работ (после смерти прямых наследников — все) Фромм завещал гуманитарной неправительственной организации Международной Амнистии. Кроме того, мой собеседник отметил неуместность навязчивых «объяснений» в советских изданиях Фромма: «Я полагаю, читатель вполне разумен для самостоятельного понимания его достаточно ясно изложенных мыслей».

Хорошо зная практику обоих радикально воплотившихся «социализмов», Фромм должен был, кажется, прийти к отрицанию социалистической идеи как таковой. Но этого не произошло — он продолжал верить в иной, «гуманистический» социализм (только ли — по Бердяеву — «правда социализма», без капли его «лжи», осталась в нем?), был членом социалистической партии США и даже написал ее новую программу. Что бы он сказал теперь, когда слово «социализм» повсюду превратилось в нарицательное или лишнее слово?

Не подтвердил ли Фромм своей жизнью собственные построения о противоречивости человеческой природы? Сумел ли он до конца «позрелеть» и преодолеть обаяние идей, проповедовавшихся авторитетами его молодости? И в этом — лишний урок для нас. Когда же мы сможем победить усеченную, но все еще царствующую иллюзию?

Положительной, свободной, человеколюбивой религиозностью, которую отстаивает Фромм, наполнена русская духовная традиция. «Всегда в жизни прав тот, кто опирается не на логику, не на здравый смысл, а тот, кто исходит из одного верховного закона — закона любви. Все остальные законы ничто перед любовью... В ком есть этот закон, тот живет, кто руководствуется только философией, политикой, разумом, тот умирает». «Любовь только тогда есть любовь, когда она ко всем без исключения. Пока это любовь только к тем, кого «я» люблю, это не любовь, а эгоизм». «Любовь к миру, любовь к людям, любовь эротическая — ...лучшая возможность познания».

Отец Александр (Ельчанинов), которому принадлежат приведенные слова, отмечает в другом месте: «Можно прожить, и живут многие, всю жизнь чьей-то тенью, копией. Самый первый... смысл существования — быть самим собой, возвышаясь до преобразования себя в „Образ и подобие Божие“» (Записки свещ. А.Ельчанинова. Париж, «ИМКА-пресс», 2-е изд., с.20, 36, 38, 46, 34). Василий Розанов в примечаниях к «Людям лунного света» подчеркивает: «...остается вечною заповедь — „не сотвори себе кумира“, не сотвори его даже из церкви... „Ни на земле, ни на вершине гор, — сказано, — ни под землею, ни на небесах“. Ах, это учение о „кумирах“, — восклицает писатель, — оно одно защищает свободу человека на земле и счастье человека в жизни (подчеркнуто мною. — С.Ф.). Я понимаю, надо — чтить, наконец — прекрасно чтить. Но тут какая-то, иногда в тумане, граница, которую необходимо нащупать, не наступив которой, мы погибли» (В.В.Розанов. Люди лунного света. СПб., 1913. Репринтное изд.: М., 1990, с.296).

Важной для нашей темы является и следующая мысль Ельчанинова: «Общее во всех искушениях дьявола (хлеб, чудо, власть — плоти, души, духа) — они тонки, не грубы: нет искушения обычными человеческими соблазнами... Но все три отрицают свободу, то есть веру и любовь к Истине. Грехи чувственности, тщеславия и властолюбия задевались лишь косвенно. Повторение этих грехов в истории — социализм, оккультизм и эгоизм (государственность)». Советская система только и держится, что на этих трех искушениях. Поняв, что она уйдет лишь тогда, когда преобладающая в обществе станет (в терминах Фромма) гуманистическая религиозность. Только она и обеспечивает свободное и полное раскрытие каждой человеческой личности на ее пути духовного роста. И путь этот — любовь, основанная на вере без иллюзий и почитании без культа».

Москва — Тюбинген

Окончание.
Начало в «РМ» № 3879.

Наталья Максимова

Русский язык

«По-русски говорите, ради Бога!»

А.М.Жемчужников

«... Умейте же беречь
Хоть в меру сил,
В дни злости и страданья
Наш дар бессмертный — речь»

И.А.Бунин

«... Мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово».

Анна Ахматова

Опять сквозь пепел не видны Стожары,
И падает апрельская листва,
Но врезанные в лагерные нары
До нас доходят русские слова.

Блестит внизу кремнистая дорога,
А слово — вечно Непроступный Свет...
«По-русски говорите, ради Бога!»
— Нас просит вновь сквозь тьму поэт.

Пусть кажется: ушел народ, как не был,
но будет вечно так, как до сих пор:
По-русски между нивом и небом
Ведется здесь чуть слышный разговор.

Ведь ты живой и среди льдов Тунгуски,
И под пятою всех земных владык,
Мой пушкинский, мой тютчевский,
мой русский
стихов моих, души моей язык.

Анна Ахматовой

Опять подошли незабвенные даты,
И подняты к небу мосты,
Ты августом алым, спящим, проклятым
Идешь по дороге в Кресты.
И снова сорвешься с крутого откоса,
Чтоб в вечно ушли провода, —
Так горестно прямо, а вовсе не косо,
В стихи сквозь все «никогда».
Но вот уже самой немой датой
Все ближе и ближе черед.
А ртом, так жестоко бедою разжатым,
Кричит стомиллионный народ.
Кругом лебедой зарастают канавы,
И здесь искупая грехи,
За эту дорогу получишь ты право
Об этом писать стихи.
А Муза, как прежде, в платке дырявом
Мелькнув у чугунных ворот,
Тебя от покоя, от счастья и славы
Упрямо и верно ведет.

Весна

Наполнит все вокруг
Молчанья благодать,
Лишь почерневший луг
Зачахнет опять.
И юный терпкий клей
Застынет на листе.
Он в запахе ветвей,
В капели на кусте.
Вновь добрый светлый знак
На каждой встречной луже,
Где край земли обмяк,
Освободясь от стужи.
Где свавит все вокруг
Любой бездонный пруттик,
А под землею вдруг
Зашевелился люттик.
Пусть нет еще листы
Среди оврагов рыжих,
Но торжество травы
теперь гораздо ближе.

Наталья Максимова родилась в 1953 году. В 1970 году окончила среднюю школу, в 1977 году — мехмат МГУ и была оставлена в аспирантуре МГУ при кафедре дифференциальных уравнений. В 1982 году защитила диссертацию по теории фильтрации. Член Московского математического общества. Автор более трех десятков специализированных работ, опубликованных как в специальных журналах на родине, так и за рубежом. Член литературного объединения Московского Дома ученых.

Эрих Фромм. Бегство от свободы. Перевод с англ. Г.Ф.Швейника, под ред. П.С.Гуревича. Москва, «Прогресс», 1989, 25.000 экз.

Эрих Фромм. Иметь или быть? 2-е дополненное издание. Общ. редакция и предисловие В.И.Добренькова. [Иметь или быть? Перевод с англ. Н.И.Войскарян, Н.И.Коменикович; Психоанализ и религия. Перевод с англ. С.В.Федулова]. Москва, «Прогресс», 1990, 50.000 экз.

на полу в ее комнате оброненный голубой листок. Схватив пистолет, он устремляется в кинематограф (вероятно, узнав из листка, где и на каком сеансе находится «роковая» пара), садится на свободное место в следующем за ними ряду, он уже готов выстрелить («нажать три раза»), но рука его разжимается. Кончился фильм, он вылетает на улицу, прибывает на вокзал, берет билет на Марсель, в последнюю секунду вскакивает в купе, открывает окно и закрывает руками лицо.

В пересказе, разумеется, все выглядит банально; однако именно банальности нет в этой новелле, а есть самое искреннее страдание, облеченное в экспрессивную форму; это острая и зоркая проза. Не возьмем судить, находился ли автор под чьим-либо литературным влиянием; важно одно: Сергей Эфрон создал художественное произведение, где главное — достоверность чувств, видно, что он работал над речью, стремился придать ей (иногда даже чрезмерно) сугубую образность и оригинальность:

«Ветер дул с Запада. Он наморщил сначала тяжелую, тысячверстную гладь. Морщины вздулись, выросли в горы и лениво покатились к берегу. Соленые камни, песок и ракушки ожили, закружились, зашуршали, запутались в водорослях...» «А тучи устали, тучи замедлили бег, и, вдруг обесилев, сбросили серебряный балласт на тысячи звенящих крыш...» «Стаей жирных дельфинов, беззвучно, как во сне, проплывали автомобили... И наконец, о «видовой», немой кинокартине: «Беззвучно, словно по воде, прямо на первые ряды несутся тупоносый паровоз. Он остановился вовремя, без человеческих жертв, пустив клуб белого дыма. Стадо глухонемых пассажиров и носильщиков с непостижимой быстротой протаскили свои чемоданы».

Так ответил Сергей Яковлевич Эфрон на драматические события в семье (был) и на поэмы Цветаевой (бытие). Ответил с истинно художественным вдохновением, свидетельствующим о том, что, сложись его жизнь иначе, он мог бы стать неплохим писателем.

Франция

Марина Цветаева и Николай Гронский

«Медон, 4-го февраля 1928 г., суббота.

Милый Николай Павлович,

Чтение Федры будет в четверг, в Клараме, у знакомых. Приходите в 7 ч., поужинаем вместе и отправимся в Кларам пешком. Дорогой расскажу Вам кто и что.

Лучше не запаздывайте, может быть будет дождь и придется ехать поездом, а поезда редки.

До свидания.

МЦ.»

Николая Павловичу Гронскому летом должно было исполниться двенадцать. Отец его — в прошлом приват-доцент Петербургского университета, работал в редакции «Последних новостей», мать была скульптором. Во Франции семья находилась уже восемь лет; их адрес

— Бельвю, тот же дом на Бульвар Вер, 31, где жила Цветаева до Медона. Николай прошлой весной окончил русскую среднюю школу в Париже и учился на юридическом факультете. Писал стихи.

Не чудо ли, что, написав трагедию о Федре и Ипполите, поэт встретился с персонажем уже написанной трагедии. Общение с молодым поэтом в течение по меньшей мере трех лет скрашивало ее жизнь. Все это время длилась их неравная — по возрасту и силам — дружба; Цветаева давала из неистощимых родников своего духа столь же много, сколь и брала от своего молодого друга: усилия души, житейской, бытовой помощи, — и, открывшись признаться, мало вникая в его обстоятельства, не забываясь, есть ли у него свободное время. Что до его доброй воли, то, судя по всему, все эти годы она наличествовала.

Поначалу Гронский был посредником между Цветаевой и «Последними новостями», где работал его отец, куда относил ее стихи и передавал ответы. 20 июля 1928 г. она посылает через Гронского в «Последние новости» шесть стихотворений 1916 года; в следующем письме (от 24 июля) просит: «Со стихами, если увидите, что данные долго не печатают — давайте другие, но по одному за-раз, чтобы не было возможности выбора. Напечатать — следующее». В письме от 23 августа вкладывает цикл «Любови старинные туманы», а 29 августа напоминает: «Передали ли стихи для Последних Новостей?»

7 октября: «Попросите П.П. (отца Гронского. — А.С.) ...достать гонорар из Последних Новостей, как мал бы ни был...»

17 октября: «...надеюсь достать из Праги мои "Юношеские стихи" (1913-1916) — нигде не напечатанные, целая залежь... Прокормлюсь ими в Последних Новостях с год, если не больше... Завтра, или в субботу, занесу стихи для Последних Новостей».

(А.С.Эфрон заметила: «Из всех писем Н.П.Гронского только в одном о стихах: от 23.7 (1928 г.): «...Я дал два вторых Ваших стихотворения в редакцию Последних Новостей. Было напечатано лишь одно, и притом не первое, а второе. Продолжать давать стихи, или нет?»)

Гронский соответствовал цветаевской формуле: «друг есть действие». Ее поручения он выполнял неукоснительно, а просьбы Марины Ивановны не иссякали. Поехать с нею в чешское консульство; передать записку к Н.С.Гончаровой; встретиться ее после возвращения с летнего отдыха; помочь снять комнату в горах, где отдыхал Гронский; переночевать в ее квартире (семья Цветаевой была в отъезде), чтобы рано утром принять трубочиста; поручения различных бытовых дел, требующих мужских рук... Сохранилось множество цветаевских писем и записок к Н.П.Гронскому, возвращенных Марине Ивановне его родителями после гибели сына. Калейдоскоп просьб, поручений, повелений. «Жду Вас сегодня вечером, после 8 ч. Посидим — побеседуем»; «...жду Вас завтра (вторник) в 9 ч. веч.»; «Приходите ко мне если можете завтра часа в два — пойдем за ящиками (4 уже есть) — если есть, захватите пилку для полок. И так, жду до 2 1/2 ч.» «Спасибо за мешок — отлично»; «Будем чинить детскую коляску, — уместе?»; «Вы мне очень и срочно нужны... Дело важное».

Продолжение следует. Начало в «РМ» № 3879.